

С.Д. Серебряный

НАУКА И ВЛАСТЬ В РОССИИ.
АКТУАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД СВОЕВРЕМЕННОЙ КНИГОЙ

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.

Книга Б.С. Кагановича закрывает (если и не полностью, то в значительной мере) одну из зияющих лагун в историографии отечественной науки и культуры. Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – выдающийся российский ученый-востоковед и, может быть, еще более выдающийся общественный и политический деятель. Достаточно сказать, что в течение четверти века (с 1904 по 1929 г.) С.Ф. Ольденбург был непременным секретарем Российской академии наук, т.е. одним из главных лиц (если не самым главным) в этом «знаковом» учреждении, причем в эпоху, столь богатую переменами и «переломами». Жизнь С.Ф. Ольденбурга поразительна, помимо прочего, тем, что она соединяет в себе как будто несоединимое. До 1917 г. он пребывал почти на самом вершине имперской иерархии (в 1912–1917 гг. даже состоял членом Государственного совета) и одновременно был одним из видных деятелей оппозиционной кадетской партии. Летом 1917 г. он (правда, недолгое время) работал министром Временного правительства. А когда к власти пришли большевики, он и с ними поначалу нашел общий язык, оставшись главным лицом в Академии – вплоть до «года великого перелома» (1929).

В силу причин, которые здесь нет необходимости называть, вплоть до сравнительно недавнего времени написать сколько-нибудь правдивую биографию С.Ф. Ольденбурга было совершенно невозможно. Именно поэтому Б.С. Каганович скромно назвал свою книгу «Опыт биографии». В самом деле, это первый опыт, но, на мой взгляд, опыт в высшей степени удачный. Кто бы и в какой бы связи ни обратился отныне к жизни и деятельности С.Ф. Ольденбурга, книга Б.С. Кагановича, несомненно, должна служить отправной точкой для всех будущих исследований.

В монографии использовано много архивных материалов, большая часть которых, насколько я могу судить, впервые вводится в научный оборот. Это важное, но далеко не единственное ее достоинство. Книга Б.С. Кагановича – это одновременно и строгий научный труд, и – возьму на себя смелость сказать – художественное произведение, своего рода роман, читать который мучительно, но от которого трудно оторваться. Автор – опытный и искусный историк науки; в его повествовании органично сочетаются интересные, красно-

речивые (порой буквально вопиющие) цитаты из источников и сдержанный текст от автора, в котором источники анализируются и сопоставляются. Книга (как и другие известные мне работы Б.С. Кагановича) написана превосходным языком: ясным, точным и красивым; как будто безыскусным, а на самом деле – довольно изошренным и лишь искусно скрывающим эту изошренность.

Обсудить эту книгу уместно именно на страницах «Одиссея», тема которого – «Человек в истории». С.Ф. Ольденбург – это человек, волею судьбы (но в немалой степени также и по своей собственной воле) оказавшийся вовлеченным в очень важные (во всяком случае, в «знаковые») процессы отечественной истории XX в., причем вовлеченным не в качестве пассивного «объекта» и/или наблюдателя (как большинство его современников), но в качестве активного «субъекта»-деятеля, хотя деятельность его – в целом и в конце концов – привела совсем не к тем результатам, которых он надеялся достичь. Жизнь С.Ф. Ольденбурга – словно притча, сочиненная в назидание потомкам. Правда, притча эта далеко не однозначна. И современники (в том числе близкие друзья) С.Ф. Ольденбурга, и те из потомков, кто брался судить о нем, о его личности и его жизни, оставили нам суждения весьма разноречивые, в которых еще предстоит разбираться. Б.С. Каганович, будучи, как уже сказано, биографом-первопроходцем, не ставил перед собой задачу сразу дать определенную оценку жизни и деятельности героя своей книги. Как трезвый историк, стремящийся прежде всего описать *объективно установленные* черты прошлого, не привнося в это описание личных эмоций и пристрастий, Б.С. Каганович дает нечто вроде краткой летописи «трудов и дней» С.Ф. Ольденбурга (с. 8)¹ и лишь в самых необходимых случаях заводит речь об оценке этих «трудов и дней», приводя, как правило, разные мнения на сей счет.

Мой отклик на книгу Б.С. Кагановича также ни в коей мере не претендует на вынесение решительных суждений. Жизненный путь С.Ф. Ольденбурга, как и жизненные пути многих других его выдающихся современников и как вся наша история XIX–XX (да и предыдущих) веков, требует от нас, по-моему, не окончательного приговора, а еще долгих и мучительных размышлений, которые, может быть, покажут, что какой-либо окончательный приговор вовсе и неуместен.

Далее я попытаюсь проследить, вслед за Б.С. Кагановичем, жизненный путь С.Ф. Ольденбурга, добавляя от себя разного рода замечания. Вероятно, жизнь всякого человека – а особенно жизнь *человека публичного*, каким был С.Ф. Ольденбург, – может быть понята тем глубже и полнее, чем в более широком историческом (историко-культурном) контексте она будет рассмотрена и увидена. С другой

стороны, события жизни отдельного человека – особенно *человека публичного* – могут ярче осветить более широкие исторические процессы. В нижеследующих заметках я попытаюсь, с одной стороны, рассмотреть некоторые факты из биографии С.Ф. Ольденбурга в более широких, чем возможно было сделать в книге Б.С. Кагановича, контекстах и, с другой стороны, показать, что жизнь С.Ф. Ольденбурга может быть прочитана как весьма красноречивый комментарий к российской истории первой трети XX в.

С.Ф. родился 14 сентября 1863 г. и умер 28 февраля 1934 г., т.е. прожил чуть более семидесяти лет, и эти семь десятилетий почти поровну поделены между XIX и XX веками. Но важнее другой рубеж («настоящий, не календарный», по известному выражению Анны Ахматовой): большая часть жизни С.Ф. прошла при «старом режиме»; в 1914 г. ему был 51 год, а в 1917 – 54 (Наполеон и Ленин к этому возрасту уже умерли). С.Ф. принадлежал к той возрастной группе россиян, юность которых пришлась еще на годы царствования Александра II (интересно было бы узнать, как воспринял юноша Ольденбург убийство «царя-освободителя» в 1881 г.), молодость – на царствование Александра III «Миротворца», а зрелые годы – на время (до рокового 1914-го), которое французы называют *la belle époque*, но которое для России уже было началом эпохи войн и революций. На финише жизни (более или менее длительном) россияне этих поколений пережили крах Российской империи, а затем ее восстановление под новым именем. Из немногих возможностей С.Ф. выбрал (надо думать, не без колебаний) сотрудничество с новой властью, и этот выбор предопределил его дальнейшую судьбу (об этом – чуть ниже).

Возрастная группа, к которой принадлежал С.Ф., в более широком смысле охватывает россиян, родившихся в 1860-е и, возможно, в самом начале 1870-х годов².

Эта возрастная группа дала, среди прочего, еще несколько крупных имен отечественному востоковедению: П.К. Коковцов (1861–1942), Н.Я. Марр (1865–1934), А.Е. Снесарев (1865–1937), Ф.И. Щербатской (1866–1942), Б.А. Тураев (1868–1934), В.В. Бартольд (1869–1930), А.А. фон Стааль-Гольштейн (1871–1937), А.Е. Крымский (1871–1942). Близким другом С.Ф. Ольденбурга был его ровесник, выдающийся ученый-естественник В.И. Вернадский (1863–1945)³. В русской поэзии этой плеяде ученых соответствует поколение «старших символистов»: Федор Сологуб (1863–1927), Вячеслав Иванов (1866–1949), Константин Бальмонт (1867–1942). К этой же группе обычно относят и Валерия Брюсова (1873–1924). В русской прозе хронологически близкие имена – А.П. Чехов (1860–1904), Максим Горький (1868–1936), И.А. Бунин (1870–1952).

К той же возрастной группе можно отнести и «старших большевиков»: В.И. Ульянова-Ленина (1870–1924), Л.Б. Красина (1870–1926), А.А. Малиновского-Богданова (1873–1929).

Перечисленные имена показывают, сколь разными могли быть судьбы россиян этой возрастной группы. Из тех, кто дожил до 1917 г., многие ушли в эмиграцию. Из тех, кто не покинул России и не умер своей смертью до второй половины 1930-х, многие попали в «мясорубку террора». Из оставшихся мало кто пережил Вторую мировую войну. На долю С.Ф. выпала сравнительно счастливая судьба. Он умер достаточно рано – и «в своей постели».

Впрочем, судьба благоволила к нему изначально. Он родился в семье, принадлежавшей к элите Российской империи. В этой элите было немало людей, которых нынешние, постсоветские и неоправославные «патриоты» вообще не признали бы за русских. Как пишет Б.С. Каганович, С.Ф. «происходил из немецкой дворянской семьи, представители которой поступили на русскую службу и переселились в Россию из Мекленбурга при Петре Великом» (с. 10). И дед, и отец Ольденбурги были генералами российской армии, а по вере – лютеранами. Мать же будущего академика была наполовину француженкой (о второй половине, по-видимому, достоверных сведений нет), но зато православной. По законам Российской империи, дети от этого смешанного брака (С.Ф. и его старший брат Федор) были крещены по православному обряду, но родители, очевидно, не были людьми религиозными. Во всяком случае С.Ф. в детстве никакого религиозного воспитания не получил (с. 12) и в зрелом возрасте был, что называется, религиозно индифферентен.

Как замечает Б.С. Каганович, отец-генерал «по-видимому... был не вполне обычным генералом» (с. 11). Прослужив девять лет в Забайкалье, Николаевске-на-Амуре и Иркутске, он вышел в отставку (в 1867 г.) и уехал с семьей во Францию, а потом в Германию. В Гейдельберге генерал Ф.Ф. Ольденбург поступил вольнослушателем в местный университет. «Разговорным языком в семье был французский. Дети также превосходно владели немецким языком» (с. 11). В 1874 г. семья переехала в Варшаву, где братья Ольденбурги стали учиться в гимназии. В 1881 г. (уже после смерти отца) мать с двумя сыновьями перебралась в Петербург, где оба брата поступили в университет. В Петербурге же С.Ф. прожил большую часть оставшейся жизни (за вычетом поездок на Запад и экспедиций на Восток). Таким образом, это был типичный «русский европеец»⁴. Доживи он до второй половины 1940-х, не миновать бы ему обвинений в «космополитизме» и «низкопоклонстве перед Западом».

Историк мог бы еще (с глубоким вздохом) заметить, что образование, полученное в детстве, отрочестве и юности братьями Ольден-

бургами (очевидно, и в их время доступное лишь довольно узкому слою элиты), впоследствии оказалось совершенно невозможным для нескольких поколений российских детей и молодежи. «Отставание» России от более «успешных» стран Запада к XXI веку во многом было обусловлено именно тем, что уже в первой трети века XX Россия так или иначе «соскоблела» с себя тонкий верхний слой европейски образованной элиты – и практически перестала его воспроизводить. Впрочем, можно сказать, что немалая доля вины за все произошедшее лежит и на самой этой элите.

Жизнь С.Ф. Ольденбурга – это именно история крушения и гибели одного из выдающихся представителей дореволюционной культурной элиты России. О причинах исторического краха Российской империи и ее элиты размышлять нам придется еще долго. И биографии именно таких людей, как С.Ф. Ольденбург, должны нам давать «информацию к размышлению».

Впрочем, и в биографии, и в самой личности С.Ф. есть немало проблем, требующих тонкого анализа и осторожных размышлений. Одна из наиболее деликатных – проблема оценки С.Ф. как ученого, как ученого-востоковеда, в частности. С одной стороны, уже при жизни С.Ф. был признан выдающимся востоковедом, исследователем Индии и сопредельных стран, а также – и в особенности – исследователем буддизма⁵. С другой стороны, и при жизни, и после смерти статус С.Ф. как ученого нередко подвергался сомнению. Позволю себе повторить здесь то, что написал в другой статье: «В области науки Сергей Федорович оставил о себе яркую память как организатор и учитель... Сложнее обстоит дело с его собственным научным творчеством. В наследии С.Ф. Ольденбурга нет, по сути дела, ни одной крупной монографии; список его трудов состоит большей частью из разных статей, заметок, рецензий, докладов, обзоров, некрологов и т.п. ...Тексты С.Ф. Ольденбурга, посвященные индийской культуре и словесности, во многом уже устарели и представляют в основном исторический интерес»⁶.

Б.С. Каганович обращается к этой проблеме в конце своей книги (в разделе, названном «Вместо заключения») и пишет: «При всех симпатиях к Ольденбургу, честный историк не может не признать, что чтение его специальных работ во многом разочаровывает и что в индологии... он сделал гораздо меньше, чем можно было ожидать. Это, конечно, связано с его постоянным влечением к общественной и организаторской деятельности, которая почти полностью поглотила его. В конечном счете, С.Ф. Ольденбург оставил гораздо больший след в истории Российской академии наук и русской научной и общественно-политической жизни конца XIX – первой трети XX века, чем в востоковедной науке» (с. 229).

Это суждение, кажущееся почти бесспорным, таит в себе «подводные камни», которые могут открыться в более специальном анализе – и/или в дальнейшем течении истории (в частности – истории науки).

Прежде всего, в паре событий: «поглощенность общественной и организаторской деятельностью» и «отход от деятельности собственно научной» – что причина, а что следствие? Не был ли уход С.Ф. Ольденбурга в общественную и научно-организаторскую деятельность *следствием* его сложных отношений с избранным им предметом научных занятий (главным образом – с индологией, изучением индийской культуры, а также с изучением буддизма)? Конечно, мы можем лишь делать предположения на сей счет. Но все же рискну высказать подобные предположения – в порядке рабочих гипотез. Однако прежде надо предпринять небольшой экскурс в историю отечественного востоковедения и отечественной индологии в частности.

Востоковедение в России, как и прочие науки (и естественные, и иные), появилось в результате «вестернизаторских» усилий Петра I. Нынешние образованные россияне в большинстве своем привычно относят себя и свою культуру к Европе, зачастую забывая, что «современная» – в смысле *modern* (или, как теперь иногда пишут, «модерная») – российская культура есть не стихийное («органическое») порождение российской почвы, а, так сказать, трансплантат, вернее – комплекс трансплантатов, т.е. нечто привнесенное извне и пересаженное на оную почву. Часть пересаженного укоренилась лучше (например, естественные науки, музыка, балет, военное дело), часть – хуже (например, науки об обществе, право, парламентская демократия, уважение к личности). И теперь, когда Россия переживает очередную «переломную эпоху», неорганичность ряда трансплантатов проявилась и может еще проявиться с неожиданной резкостью.

Востоковедение, т.е. изучение незападных (неевропейских) культур, прививалось в России с трудом. И едва ли не с наибольшим трудом прививалась индология (изучение Индии) – может быть, потому, что Индия была далеко и не входила в круг ближайших интересов власти. Индологами в России (как и учеными во многих других областях) долгое время были в основном немцы, чужеземные или свои, российские⁷. Первым собственно (этнически) русским индологом, вышедшим в своей научной работе на «мировой уровень» и получившим европейское признание, был Иван Павлович Минаев (1840–1890), учитель С.Ф. Ольденбурга по Петербургскому университету⁸.

Научные достижения И.П. Минаева во многом, наверное, были обусловлены тем, что он смог удачно соединить немалый потенциал,

накопленный до него отечественными исследователями буддизма (китаистами и тибетологами), с потенциалом отечественной и западноевропейской индологии. В Петербургском университете И.П. Минаев начинал как китаист, занимаясь под руководством В.П. Васильева (1818–1900), а в дальнейшем поддерживал тесный контакт с тибетологом А.А. Шифнером (1817–1879). И.П. Минаев положил начало традиции особого интереса к буддизму в российской индологии. И эту традицию продолжили два его ученика, два крупнейших российских индолога первой половины XX в.: С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской.

Интересы европейски образованных русских и в XVIII, и в XIX веке были – по понятным причинам – устремлены в основном на Запад. Страны Азии могли привлекать к себе отдельных любителей экзотики, но вплоть до конца XIX в. цивилизации Азии мало кем (если вообще кем-либо) воспринимались как обладатели культурных ценностей, сопоставимых с ценностями Европы. Сочувственно изучать «экзотические» культуры и мировоззрения в России XIX в. (официально – православной!) значило во многом «плыть против течения», «быть не таким, как все». Примечательно, что университетский учитель И.П. Минаева и самого С.Ф. Ольденбурга, крупнейший российский китаист В.П. Васильев, многие годы изучал буддизм – и при этом испытывал к нему (по крайней мере, под конец жизни) глубокое личное отвращение как к «удивительнейшей и громаднейшей мистификации, какую когда-либо видело человечество»⁹.

Ученый-гуманитарий, занимаясь каким-либо предметом, не может не вовлекаться в него лично. Востоковед, изучающий духовную культуру Индии и/или мировосприятие буддизма, не может не «включать» всего себя в этот процесс «межкультурной коммуникации». Иначе научные результаты работы рискуют оказаться дефектными. И здесь велики профессиональные риски. Некоторые индологи (и исследователи других неевропейских культур) порою так «уходят» в изучаемую культуру, что начинают «жить» в ней, смотреть на мир ее глазами – и в конце концов просто перестают быть учеными-исследователями. Востоковед должен все время жить на «межкультурной меже» (хорошо, если всего лишь на одной!), то погружаясь в иную культуру, то возвращаясь в свою собственную. И выдерживать такое расщепление собственной личности не всегда легко.

Позволю себе высказать предположение, что С.Ф. Ольденбург сначала, «по молодости лет», ступил на стезю востоковедения, индологии и изучения буддизма, а потом почувствовал, что не может без риска для здоровья слишком углубляться в эти миры, – и рад был возможности переключиться на научно-организационную работу,

которая, как выяснилось, прекрасно соответствовала складу его характера. Или можно несколько модифицировать эту гипотезу и предположить, что на определенной стадии своей научной карьеры С.Ф. Ольденбург понял, что полноценные («по гамбургскому счету») занятия индийской культурой, другими культурами Азии и, в частности, буддизмом потребуют от него такой самоотдачи, такого расхода времени и сил, что уже ни на что другое его не хватит. И тогда он сделал выбор, уделив собственно научным занятиям лишь часть (пусть и немалую) своей души¹⁰.

Впрочем, не стóит недооценивать и собственно научные достижения С.Ф. Ольденбурга. Да, он не написал ни одной крупной монографии, не перевел сам целиком ни одного значительного памятника, не создал никаких глобальных теорий. Но «памятником нерукотворным» можно назвать серию «*Bibliotheca Buddhica*», которую С.Ф. основал и главным редактором которой был до конца своих дней. Эта серия была задумана как международный проект по изданию важнейших текстов «северного буддизма» (махаяны) на различных языках. «*Bibliotheca Buddhica*» – одно из наиболее ярких достижений российского востоковедения, своего рода символ его подъема в конце XIX – начале XX в. и последующего упадка. С 1897 по 1937 г. под грифом «*Bibliotheca Buddhica*» вышло тридцать томов. Большая их часть содержит или оригинальные тексты на санскрите, или тексты на других языках, но восходящие к индийским оригиналам. Серия «*Bibliotheca Buddhica*» не раз переиздавалась за рубежом России и сохранила свое большое научное значение до сих пор.

С.Ф. Ольденбург сыграл выдающуюся роль в исследовании культурного наследия Центральной Азии. В 1909–1910, а затем в 1914–1915 гг. он организовал и лично возглавил две экспедиции в тогдашний Китайский Туркестан. Результаты этих экспедиций до сих пор, насколько мне известно, не опубликованы полностью и, следовательно, в полной мере не оценены. В те годы велика была роль С.Ф. Ольденбурга в открытии и изучении индийских (большей частью буддийских) текстов из Центральной Азии. В этом деле С.Ф. проявил себя как выдающийся филолог: палеограф, текстолог и лингвист¹¹. Во многом благодаря С.Ф. в Петербург из Китайского Туркестана пришло много интереснейших рукописей, часть из которых была затем использована при издании томов серии «*Bibliotheca Buddhica*», часть была издана много позже, а немалая часть не изучена до сих пор¹².

Российское востоковедение в советские годы понесло ужасные потери, от которых оно до сих пор не оправилось. Рискну сказать, что во второй половине XX в. у нас не было востоковедов такого размаха, такой эрудиции, как С.Ф. Ольденбург. Поэтому вполне воз-

можно, что мы просто еще не доросли до адекватного понимания его научного труда и его достижений.

В наследии С.Ф. Ольденбурга есть и еще один «слой», о котором нельзя умолчать. На протяжении многих лет С.Ф. публиковал некрологи и мемориальные статьи об отечественных и зарубежных востоковедах. Как пишет Б.С. Каганович, «некоторые из этих статей... являются подлинными шедеврами по глубине и тонкости психологического проникновения и принадлежат к лучшим страницам, написанным Ольденбургом» (с. 79). Если когда-нибудь все эти статьи будут опубликованы под одной обложкой, то С.Ф. Ольденбург сможет предстать перед нами еще и выдающимся историком науки и даже незаурядным писателем-мемуаристом.

С.Ф. Ольденбург был также тонким ценителем и критиком современной ему литературы. Не могу отказать себе в удовольствии привести здесь отрывок из письма С.Ф. Александру Блоку, написанного в марте 1918 г., после прочтения поэмы «Двенадцать». Вот этот отрывок: «По праву читающего, сотворца пишущему, я ее (поэму. – С.С.) понял по-своему и, по-видимому, как мне говорят, не так, как Вы. Мне было бы очень жаль, если бы мое понимание, вернее, чувствование и переживание, было бы другое, чем у автора, но это не остановило бы меня. Только ничтожное может быть понято единообразно...» (с. 75)¹³.

Но вернемся к биографии С.Ф. Ольденбурга, как она изложена Б.С. Кагановичем. В этом изложении есть немало красноречивых эпизодов, которые, с одной стороны, дают почувствовать «дух времени», а с другой – порождают желание узнать больше и о самих этих эпизодах, и об их более широких исторических контекстах.

«1 января 1897 г. С.Ф. Ольденбург... был назначен профессором санскритской словесности Петербургского университета и официально возглавил, таким образом, университетскую индологию» (с. 35).

«9 октября 1899 г. он подал прошение об отставке, которое было удовлетворено высочайшим указом от 24 января 1900 г.» (с. 39–40). Причиной прошения было изгнание из университета нескольких «неблагонадежных» профессоров и доцентов (в том числе и близких друзей С.Ф.) за сочувствие студенческому движению. С.Ф. как будто готов был вообще отойти от научной деятельности.

Но уже 5 февраля 1900 г. он был избран адъюнктом Академии наук «по кафедре санскритологии», а в апреле 1903 г. стал «полным» академиком (с. 40).

«2 октября 1904 г. на общем собрании Академии наук С.Ф. Ольденбург был избран непременным секретарем Академии, став, таким образом, одним из ее руководителей» (с. 46).

В январе 1905 г., вскоре после «Кровавого воскресенья», С.Ф. Ольденбург – вместе с другими академиками (общим числом – семнадцать, «т.е. более половины наличного состава Академии наук» [с. 47]) и еще несколькими сотнями ученых и преподавателей высшей школы – подписал опубликованную в газетах «Записку о нуждах просвещения», в которой «с небывалой по тому времени резкостью заявлялось, что “наш режим представляет собою общественное и государственное зло”, препятствующее развитию просвещения и науки, и выдвигалось требование “полных и коренных преобразований государственного строя России” на началах политической свободы, законности и народного представительства» (с. 47). Президент Академии наук великий князь Константин Константинович, он же поэт К.Р. (1858–1915), разослал академикам-подписантам циркулярное письмо, в котором упрекал их в том, что «вместо науки они занимаются политикой» (с. 47). 22 февраля 1905 г. К.Р. имел по этому поводу «наинеприятный разговор» с С.Ф. «Однако 5 марта, выступая в общем собрании Академии, великий князь принес полуизвинение, заявив: “Было бы прискорбно, если бы в моем письме вы прочли что-либо исключяющее мое личное уважение к каждому из вас”» (с. 48)¹⁴. И ни один из академиков-подписантов не лишился ни звания, ни должности.

На страницах, посвященных времени первой русской революции 1905–1907 гг., мы находим одну из считанных опечаток в этой прекрасно изданной книге. И опечатка эта весьма показательна. Речь идет о знаменитом ныне французском этнологе и социологе Марселе Моссе (1872–1950), который летом 1906 г. приезжал в Петербург, встречался с С.Ф. Ольденбургом и, через него, «со многими деятелями либеральной оппозиции и привез в Париж экземпляр “Выборгского восстания” (sic! – С.С.), выпущенного после роспуска 1-й Государственной Думы» (с. 49). Имеется в виду, конечно же, «Выборгское воззвание», составленное П.Н. Милкоковым и опубликованное в июле 1906 г. «от имени 200 депутатов 1-й Гос. думы, собравшихся после разгона Думы в Выборге и предложивших народу, в качестве ответной меры на разгон Думы, отказаться от уплаты налогов и поставки рекрутов»¹⁵. Это была попытка применить в России метод гражданского неповиновения (пассивного сопротивления), который позже с большим успехом использовал М.К. Ганди (1869–1948) в Индии в борьбе против британской власти. Но то, что было возможно в условиях британской политической и правовой культуры, никогда не срабатывало в условиях российских – ни при царской власти, ни при «советской». Большевики подобные методы борьбы называли «саботажем» и карали по всей строгости революционного беззакония. А в 1906 г. робкая попытка гражданского неповиновения за-

хлебнулась, похоже, сама собой. И показательно, что в памяти русской культуры эта попытка оставила столь слабые воспоминания, что даже такой историк, как Б.С. Каганович, проглядел столь явную опечатку и не привел в связи с «Выборгским воззванием» никаких ссылок на историческую литературу.

В декабре 1906 г., в письме к сыну Сергею, который был тогда «октябристом», С.Ф. подвел итог первой русской революции: «Дальнейшее ясно: на несколько лет опять... водворится режим правительственного насилия, а затем будет революция, бессмысленная, жестокая, в которой, конечно, погибнут кадеты как слишком умеренные» (с. 52).

Понятно, что Февральскую революцию 1917 г. С.Ф. «встретил с воодушевлением» и «как никогда раньше погрузился в политику» (с. 69). «На съезде кадетской партии, состоявшемся в начале мая 1917 г., он был избран членом ЦК наряду с академиками А.А. Шахматовым и В.И. Вернадским» (с. 69). С 25 июля по 3 сентября С.Ф., как уже сказано, был министром народного просвещения. К сожалению, о деятельности и суждениях С.Ф. Ольденбурга в 1917 г. в книге Б.С. Кагановича говорится довольно кратко. Может быть, для более подробного рассказа не хватает источников. Так или иначе, в будущем хотелось бы узнать больше об этом периоде в жизни нашего героя.

«Захват власти большевиками С.Ф. Ольденбург, подобно большей части русской демократической интеллигенции, воспринял как узурпацию и катастрофу» (с. 74). В самом конце 1917 г., в своем очередном отчете о деятельности Академии, С.Ф. отметил: «В беспрецедентно тяжелое время приходится подводить итоги работы этого года... Было бы малодушием не смотреть правде прямо в глаза. (...) Темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели» (с. 74)¹⁶. Но уже весной 1918 г. С.Ф. Ольденбургу и другим руководителям Академии пришлось договариваться с новой властью, причем, как пишет Б.С. Каганович, именно С.Ф. Ольденбургу принадлежит «центральная роль» в этом процессе «наведения мостов», которому сначала в Академии почти никто не сочувствовал (с. 77).

Процесс «интеграции» Академии в новую систему был явно не легок и потребовал от С.Ф. Ольденбурга огромного напряжения физических и душевных сил. Б.С. Каганович почти не говорит о том, что творилось на душе у С.Ф. в это переходное время (может быть, опять-таки для этого нет источников). Но и приводимые «внешние» сведения более чем красноречивы. «5 августа 1919 г. Ольденбург писал в Москву акад. П.П. Лазареву: “На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча”¹⁷. Артемьев и Тер-Ованесов имеют

какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке... Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии опозорит любую власть» (с. 81)¹⁸. По свидетельству А.В. Луначарского, Ленин сказал тогда А.И. Рыкову: «Не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию» (с. 81)¹⁹.

Меньше чем через месяц, 4 сентября 1919 г., «в рамках “превентивных арестов” кадетской и околкадетской интеллигенции» С.Ф. вместе с рядом других ученых и общественных деятелей «был арестован и доставлен в Дом предварительного заключения на Шпалерной... В тюрьме Ольденбург просидел около трех недель» (с. 81). Однако после протеста от руководства Академии и специального письма Горького Ленину 22 сентября Ольденбург был освобожден вместе с другими, арестованными одновременно с ним (с. 82).

Один из интереснейших сюжетов в книге Б.С. Кагановича – отношения С.Ф. Ольденбурга и В.И. Ульянова-Ленина. В студенческие годы, как уже сказано, С.Ф. был знаком с Александром Ульяновым, позже – с рано умершей его младшей сестрой Ольгой. «Когда в 1891 г. В. Ульянов приехал в Петербург, он нанес визит Ольденбургу и расспрашивал его о брате и сестре» (с. 85)²⁰. Вторая документально подтверждаемая встреча С.Ф. Ольденбурга и В.И. Ленина состоялась 27 января 1921 г., когда председатель Совнаркома принял вице-президента Академии В.А. Стеклова, С.Ф. Ольденбурга и президента Военно-медицинской академии В.Н. Тонкова. На этой встрече присутствовал и Максим Горький. Встреча была организована по инициативе именно С.Ф. Ольденбурга и при посредничестве Горького. Академия выдвинула ряд требований, и, судя по всему, в результате продолжительной беседы по крайней мере часть этих требований была Лениным удовлетворена. Таким образом, был заключен своего рода конкордат между Академией и новой властью²¹. Через пять лет С.Ф. Ольденбург вспоминал: «Я лично, – заключил В.И. беседу, – глубоко интересуюсь наукой и придаю ей огромное значение. Когда вам что-нибудь нужно будет, обращайтесь прямо ко мне». Это обещание он сдержал много раз» (с. 85)²². Можно полагать, что это был не просто конкордат двух институций, но и своего рода «джентльменское соглашение» двух людей одной формации, двух дворян бывшей Российской империи. В самом деле, В.И. Ленин принадлежал если и не вполне к тому же «кругу», что С.Ф. Ольденбург, то во всяком случае к тому же социальному слою бывшей империи. Как справедливо замечает Б.С. Каганович (с. 85), к этому времени Ленин провозгласил «Новую экономическую политику», и в рамках этой частичной реставрации старых порядков вполне вписывался конкордат с Академией.

Суть этого конкордата, как его описывает Б.С. Каганович, заключалась примерно в следующем: Академия гарантирует свою лояльность новой власти и участие в ряде ее экономических и культурных программ, а власть в ответ гарантирует Академии определенную независимость и внутреннюю автономию. «Академия, в частности, была совершенно суверенна в вопросах избрания новых членов и вообще полностью определяла свою кадровую политику» (с. 87).

В 1929 г. В.И. Вернадский писал из Праги кадету-эмигранту Ф.И. Родичеву: «Я думаю, что суд истории над С.Ф. будет во многом иной, чем думают современники. Мне всегда вспоминается деятельность некоторых китайских мандаринов при Чингис-хане, спасших китайскую культуру. Я с очень многим – и с основным – не согласен с С.Ф., но думаю, что он всегда делал так, что может – без опаски – открыто объяснить свои поступки. Он стольким людям помог (и тем, которые его ругают), как едва ли кто из живущих в России» (с. 238)²³.

Сейчас у нас модно героизировать белое движение, противопоставляя его большевикам как «черным». Но многим современникам тех событий ситуация виделась иначе. Наш постсоветский опыт лишний показал нам, что в гражданских войнах чаще всего обе стороны оказываются неправыми. И вопрос только в том, какая из сторон представляет меньшее зло. Зная исторические последствия победы красных в той гражданской войне, мы теперь можем предполагать, предпринимая своего рода умственный эксперимент в духе «альтернативной истории», что победа белых могла бы быть меньшим злом. Но эту гипотезу, разумеется, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Очевидно, однако, что в те годы многим вполне разумным людям меньшим злом представлялись не белые, а красные.

Собственный сын С.Ф. Ольденбурга, Сергей (1888–1940), примкнул к белому движению (а позже попал в эмиграцию). Так что С.Ф. мог иметь о белых информацию, что называется, из первых рук. В 1919 г. вице-президентом Академии был избран известный математик В.А. Стеклов (1863–1926 – ровесник С.Ф.!), разночинец, племянник Н.А. Добролюбова. В 1918 г. он побывал на юге России и «составил самое низкое мнение о белых генералах» (с. 83), что, очевидно, склонило его к сотрудничеству с большевиками. В середине 1920-х еще могло казаться, что новую власть в конце концов удастся «цивилизовать». По справедливому замечанию Б.С. Кагановича, «1920-е годы были апогеем деятельности С.Ф. Ольденбурга» (с. 114). Он был главной фигурой в Академии, стал широко известен на Западе, а в СССР «занимал множество различных должностей», и его именем «был даже назван один из пароходов Волжского пароходства» (с. 115). В сентябре 1925 г. было торжественно – с участием ряда знаменитых иностранных гостей – отмечено 200-летие Российской ака-

демии наук. На заседании, проходившем в Большом зале Ленинградской филармонии, С.Ф. Ольденбург выступил с программным докладом «Академия наук СССР за 200 лет»²⁴. Это, на мой взгляд, один из интереснейших его текстов. В нем достаточно явно прочитывается мысль о своего рода превосходстве (или, иначе сказать, первородстве) Академии наук, учреждения с 200-летней историей, по отношению к той системе власти, которой не было тогда и десяти лет. Прочитывается и мысль об Академии как об институции, долженствующей и могущей обеспечить преемственность государственной традиции невзирая на все произошедшие перемены²⁵.

Юбилей Академии счастливо совпал с ситуацией 1925 года. Наверное, ни годом или двумя раньше, ни двумя-тремя годами позже ни такой юбилей, ни такие речи были бы невозможны. 1925 год был своего рода годом междуцарствия и в то же время – годом балансирования между различными альтернативами будущего «развития». «Экстремист» Троцкий, который вслед за Лениным все еще исповедовал «интернациональный долг» мировой революции, к 1925 г. был оттеснен от власти. На XIV конференции ВКП(б) в апреле того года было заявлено, что мировая революция – ввиду «относительной стабилизации капитализма» – временно откладывается. Главным идеологом партии на время стал Н.И. Бухарин, который готов был углубить политику НЭПа и в том же 1925 г. официально сказал крестьянам: «Обогащайтесь – и никто вас не тронет!» И.В. Сталин тогда считался умеренным и трезвым политиком, а председателем Совнаркома был «крепкий хозяйственник» А.И. Рыков. Именно в этом контексте прозвучала юбилейная речь С.Ф. Ольденбурга.

Но «партийная линия», поизвивавшись в разные стороны, вскоре взяла курс на «третью революцию». Глава 7 в книге Б.С. Кагановича, самая длинная и самая мрачная, называется «Конец Ольденбургской Академии: 1928–1929» (с. 151–199). Не буду и пытаться пересказывать эту грустную повесть. Смысл ее вкратце заключается в том, что С.Ф. Ольденбург был изгнан с должности неперемного секретаря, унижен, напуган и морально раздавлен. Тогдашняя кремлевская власть, взяв курс на полный (тотальный) контроль над обществом, не могла, разумеется, больше терпеть даже ограниченную автономию такого института, как Академия наук. Конкордат, заключенный в 1921 г., был аннулирован. И это произошло именно в 1929-м – в «год великого перелома», когда, по выражению одного историка, «стране переломали хребет»²⁶.

У западных советологов давно бытует такая версия «истории КПСС»: партия большевиков до революции состояла из двух частей, как бы из двух фракций; одна «фракция» была интернационально-интеллектуальная, пребывала в основном за границей и

ощущала себя частью мирового (в основном западного) марксистского и/или революционного движения; другая «фракция» была почвенно-криминальная, пребывала в основном на родине, занималась «эксами» и прочей грязной работой и была ближе к миру полиции и криминалитета, чем к зарубежным центрам марксистской мысли. Одним из наиболее ярких и характерных представителей первой «фракции» был Ленин, а второй – Сталин. Октябрьский переворот был делом рук в основном первой «фракции», но к концу 1920-х возобладала вторая во главе со Сталиным, которая и произвела «третью революцию».

Конечно, эта схема несколько упрощает историческую реальность, но ее можно принять как предварительную рабочую гипотезу, которая способна неплохо объяснить постреволюционную судьбу С.Ф. Ольденбурга и Академии.

Пока у власти находились большевики из интернационально-интеллектуальной «фракции», люди типа С.Ф. Ольденбурга еще могли находить с ними общий язык. Но когда восторжествовала «фракция» почвенно-криминальная, люди типа С.Ф. Ольденбурга были отторгнуты как «классово чуждые».

Разгром «Ольденбургской Академии» имел далеко идущие последствия. Математика и науки о природе впредь могли развиваться в СССР более или менее успешно, если только власть не усматривала в них «идеологическую угрозу» (вспомним судьбы генетики и кибернетики). Но наукам об обществе и человеке (иначе сказать, наукам социальным и гуманитарным) был нанесен сокрушительный удар, от которого они, по сути дела, не оправались до сих пор. Рассуждая в масштабах «большого времени», мы можем сказать, что тогдашняя власть подписала сама себе смертный приговор, который был приведен в исполнение несколько десятилетий спустя. Крах «советской власти» и развал СССР был во многом предопределен, помимо всего прочего, именно удушением в стране общественных и гуманитарных наук: система потеряла способность получать и перерабатывать объективную информацию о себе самой и об окружающем мире, иначе сказать, потеряла эффективный контакт с реальностью. Кошмарным символом этой потери контакта с реальностью стала война в Афганистане, а один из последних генсеков, Ю.В. Андропов, чуть ли не публично признал, что не имеет адекватного представления о стране, которой управляет.

Книга Б.С. Кагановича действительно своевременна. «Коридоры власти» – или «сама жизнь»? – вновь поставили на повестку дня вопрос о реорганизации (теперь это называется «реформированием») Академии наук. Конечно, власть теперь, к счастью, все-таки не та, что была в 1920-е годы. Да и Академия, разумеется, не та, какой

она была при С.Ф. Ольденбурге. Но кое-какие уроки из событий тех лет можно все же попытаться извлечь и применительно к нашей сегодняшней ситуации.

Что касается самого С.Ф. Ольденбурга, то опыт его жизни, пожалуй, показывает, сколь опасно для личности и деятельности ученого слишком большое приближение к власти. Известно, что всякая власть развращает. Но, по-видимому, может развратить даже и близость к власти, особенно к власти авторитарной. Вопрос об общей оценке научных достижений С.Ф. Ольденбурга можно считать, как уже сказано, открытым. Но несомненно, что за советские годы, особенно со второй половины 1920-х, С.Ф. Ольденбург как ученый деградировал. Некоторые его тексты тех лет сейчас невозможно читать без острого чувства стыда. Впрочем, не нам, жившим в гораздо более «вегетарианские» (по выражению Анны Ахматовой) годы, судить о людях, испытавших на себе все прелести тех «великих» лет. Мы можем лишь стараться не попадать в те же ловушки.

Б.С. Каганович приводит красноречивые (хотя одновременно и не вполне внятные) цитаты из дневника В.И. Вернадского от марта 1932 г.: «Сергей меня раздражает своей низкопоклонностью (не по форме) к власти. Сейчас у него это сильнее, чем в молодости» (8 марта). «Сергей {...} сейчас, по своему обыкновению, резко выявившемуся в последний год (сильно духовно опустился), – очень подлаживается, без скверных мыслей. Просто понимание меняется: в той среде, где живет. Это его наблюдение верно» (19 марта) (с. 214)²⁷. Похоже, что С.Ф. Ольденбург в конце жизни сам поставил себе диагноз.

Но дело было не только в каких-то психологических свойствах личности. Дело было еще, наверное, и в некоторых чертах мировоззрения, в особенностях интеллектуального склада. В 1918–1921 гг. С.Ф. Ольденбург часто встречался и беседовал с Александром Блоком. И 5 января 1918 г. Блок записал в дневнике: «Ольденбург: “великая культура может быть только в великом государстве. Так было всегда”. О, это было, было – проклятая историческая инерция!» (с. 96)²⁸. Очевидно, поэт не разделял «государственнических» иллюзий ученого. Интересно, что примерно в те же дни у Блока начала сочиняться поэма «Двенадцать»²⁹.

Тем, кто прошел советское образование, естественно разделять русскую культуру и российскую государственность. Ведь советская власть (по крайней мере, с 1930-х годов) стремилась представить себя наследницей лучших достижений русской культуры и одновременно отрещивалась от, противопоставляла себя «досоветской», царской власти (хотя и не всегда последовательно; иногда и советской власти самой было выгодно подчеркнуть преемственность с властью предыдущей)³⁰. В советской идеологии не все было только

ложью. Иначе она не могла бы владеть душами и умами столь многих людей столь долгое время. Советская идеология была сложным коктейлем лжи и правды, добра и зла. И, в частности, в советском противопоставлении русской культуры и российской государственности была и есть немалая доля правды. История самой советской эпохи служит тому лишним подтверждением. Большинство хоть сколько-нибудь значимых деятелей русской культуры XX в. так или иначе конфликтовали с советской властью, многих она физически (и/или морально) уничтожила, и очевидно, что в памяти потомков русская культура XX в. и та система власти, которая существовала в нашей стране большую часть этого века, будут четко противопоставлены одна другой. Опыт XX в., по-моему, говорит о том, что отнюдь не всякая «великая государственность» способствует развитию «великой культуры». И можно сказать, что С.Ф. Ольденбург пал жертвой своей веры в примат государственности над культурой.

Примерно такие уроки могут извлечь сегодняшние ученые из трагической судьбы С.Ф. Ольденбурга³¹.

Что касается другой стороны, власти, то и она, несомненно, может извлечь кое-какие уроки из этой истории. Говоря коротко, главный урок, по-моему, заключается в том, что к науке нельзя относиться как к служебной собаке, которую можно держать на коротком поводке, время от времени приказывая ей «взять след» или полаять в нужном направлении. Наука по самой своей сути нуждается в свободе и создает вокруг себя «зону» свободы. В сталинских «шарашках» можно было заставлять людей конструировать новые самолеты, ракеты и даже, наверное, атомную бомбу. Но в «шарашках» вряд ли могли совершаться кардинальные прорывы в фундаментальных науках. С другой стороны, даже «прирученная» Академия наук СССР (особенно ее естественнонаучные подразделения) нередко оказывалась в советские годы прибежищем и рассадником свободомыслия. Не случайно, что одним из символов сопротивления общества сенильному и, теперь мы можем даже сказать, преступному режиму эпохи «застоя» (тогда, если кто не помнит, это называлось «стабильностью») был именно ученый, академик – Андрей Дмитриевич Сахаров. Наука, научные институции – это важнейшие элементы гражданского общества. И если нынешняя власть действительно хочет способствовать становлению в нашей стране этого самого гражданского общества, она должна по крайней мере уважительно относиться к науке и ученым. Ученые в силу своих профессиональных привычек склонны к независимому и критическому мышлению, что, обращенное в социальную и политическую сферу, может служить некоторым «противовесом» в общей системе властвования (за отсутствием иных «сдержек и противовесов»). Поэтому показателем

истинных намерений власти может служить ее отношение к науке, и в частности к Академии наук.

Тем, кто так или иначе занимается теперь «реформированием» Академии наук, было бы полезно, на мой взгляд, прочитать книгу Б.С. Кагановича о С.Ф. Ольденбурге.

¹ Здесь и далее ссылки на книгу Б.С. Кагановича даются в тексте, в скобках.

² Понятие «возрастная группа» имеет смысл соотносить не только с календарными годами рождения, но и с теми событиями (процессами), которые формировали людей, родившихся в те или иные годы (и в той или иной стране). Границы между возрастными группами в разные исторические периоды (и в разных странах) могут пролегать по-разному. Насколько мне известно систематических исследований российской истории XIX–XX вв. в этом плане не проводилось. Поэтому рассуждения о возрастных группах в данной работе не могут не быть лишь предположительными.

³ Степень близости между С.Ф. Ольденбургом и В.И. Вернадским можно проиллюстрировать тремя эпизодами из их жизни:

(1) В 1887 г., после ареста Александра Ульянова, братья Ольденбурги и В.И. Вернадский (а также известный впоследствии экономист А.А. Кауфман) вместе решали судьбу некоего ящика, который А.И. Ульянов оставил на хранение у общего знакомого (также студента Петербургского университета). В.И. Вернадский установил, что в ящике находилось сырье для производства динамита. Совместными усилиями ящик закопали в землю в укромном месте (с. 19).

(2) Летом 1917 г. (с 25 июня по 3 сентября) С.Ф. Ольденбург был министром народного просвещения во Временном правительстве. «В.И. Вернадский стал при нем товарищем министра по вопросам высшей школы и науки» (с. 72–73).

(3) 28 февраля 1934 г., когда стало ясно, что С.Ф. умирает, его жена Елена Григорьевна «позвала друга и соседа [–] В.И. Вернадского» (с. 221). Согласно преданию, С.Ф. умер на руках В.И. Вернадского.

Переписка между ними еще ждет своего исследователя. Интересно было бы написать также и нечто вроде «сравнительных жизнеописаний» С.Ф. Ольденбурга и В.И. Вернадского.

⁴ См., например: *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры (филологско-исторический анализ). М., 2001.

⁵ См., например, юбилейную книгу: *Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: Сб. статей.* Л., 1934. Ср.: *Сергей Федорович Ольденбург.* М., 1986.

⁶ *Серебряный С.Д.* Древнеиндийская словесность // Изучение литератур Востока. Россия, XX век. М., 2002. С. 374. Ср. также: *Он же.* Ю.Н. Рерих и история отечественной индологии // *Петербургский Рериховский сборник.* СПб., 2002. Вып. V. С. 20–77.

⁷ См., например: *История отечественного востоковедения до середины XIX века.* М., 1990; *История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года.* М., 1997; а также статьи, названные в пред. примеч.

С.Ф. Ольденбург, с его острым чувством историзма, вполне осознавал исходную инородность современных наук в России. Так, например, в очень интересной энциклопедической статье 1926 г. он писал: «Своих ученых в на-

чале XVIII в. в России не было, и потому пришлось пригласить ученых из-за границы, причем в течение долгого времени иностранцы, гл. обр. немцы, преобладали над русскими. К счастью, выбор большинства иностранцев был удачный...» (*Ольденбург С.* Академия Наук СССР // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 1. С. 784).

- ⁸ О жизни и творчестве этого замечательного ученого у нас существует несколько информативных публикаций (См., например: *Минаев И.П.* Сборник статей. М., 1967; а также страницы, посвященные И.П. Минаеву, в книге: *Вигасин А.А.* История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1910 года. М., 1997. С. 392–406). Однако нам еще лишь предстоит (по мере публикации – или переиздания – и осмысления его неизданных и даже изданных текстов) в полной мере понять и оценить и научные достижения, и личность этого человека.
- ⁹ См.: *Ольденбург С.Ф.* Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 330, № 7, отд. 4. С. 68–69.
- ¹⁰ Интересно в этом плане сравнить жизненные пути С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского. Последний сделал (вольно или невольно – другой вопрос) иной выбор и остался в истории науки автором нескольких фундаментальных трудов (разумеется, отчасти уже неизбежно устаревших), хотя соблазн не собственнo научной деятельности наверняка возникал и перед ним.
- Характерно, что С.Ф. Ольденбург, как верно замечает Б.С. Каганович, «никогда не был в Индии и, возможно, не прилагал больших усилий, чтобы попасть туда» (с. 21). Между тем уже И.П. Минаев, первым из российских индологов, путешествовал по Индии (даже три раза – в 1870-х и 1880-х годах). Ф.И. Щербатский предпринял довольно длительную поездку в Индию в 1910–1911 гг. К XX в. посещение изучаемых стран стало почти нормой для западных востоковедов. Но С.Ф. Ольденбурга, похоже, в Индию действительно не тянуло.
- Биографию Ф.И. Щербатского еще предстоит исследовать и описать. Весьма поучительно было бы составить и «сравнительное жизнеописание» Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга. Как явствует из книги Б.С. Кагановича, отношения между ними были небезоблачны.
- ¹¹ См., например: *Щербатской Ф.И.* С.Ф. Ольденбург как индианист. Л., 1934. С. 21.
- ¹² См., например: *Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н.* Об исследовании памятников индийской письменности из Центральной Азии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Уде, 1968. Вып. 3. (Труды Бурятского института общественных наук; вып. 1. Сер. востоковедения). С. 105–117; *Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И.* Первые итоги и основные проблемы изучения индийских текстов из Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии / Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина и М.И. Воробьевой-Десятовской. М., 1990. Вып. 2. С. 11–38.
- ¹³ Цитата взята из публикации: *Бонгард-Левин Г.М.* Александр Блок и С.Ф. Ольденбург // Восток–Запад–Россия: Сб. ст. к 70-летию В.С. Мясникова. М., 2002. С. 239.
- ¹⁴ Б.С. Каганович ссылается на книгу: *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915. СПб., 1993. С. 69.

- ¹⁵ Минц И. Выборгское воззвание // БСЭ. М., 1929. Т. 13. С. 668–669.
- ¹⁶ Б.С. Каганович дает ссылку: Отчет о деятельности Российской Академии Наук за 1917 г., составленный непреременным секретарем акад. С.Ф. Ольденбургем и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пг., 1917. С. 5.
- ¹⁷ Кто такие Артемьев и Тер-Ованесов – неясно. В указателе к книге их имена не числятся, и никаких комментариев Б.С. Каганович не дает.
- ¹⁸ Б.С. Каганович дает ссылку: Ленин и Академия наук: Сб. док-тов. М., 1969. С. 61.
- ¹⁹ Б.С. Каганович дает ссылку: *Луначарский А.В.* К 200-летию Всесоюзной Академии Наук // Новый мир. 1925. № 10. С. 110.
- ²⁰ См.: *Ольденбург С.Ф.* Несколько воспоминаний о А.И. и В.И. Ульяновых // Красная летопись. 1924. № 2. С. 17–18.
- ²¹ В конце книги (с. 228) Б.С. Каганович приводит слова известного востоковеда (ираниста) В.Ф. Минорского (после революции – эмигранта): «Его [С.Ф. Ольденбурга. – С.С.] особая заслуга заключается в том, что он обеспечил преемственность в развитии науки, заключив конкордат с новым режимом» (*Minorsky V. Oriental Studies in the USSR // Journal of the Royal Central Asiatic Society.* 1943. Vol. 30. P. 87).
- ²² См.: *Ольденбург С.Ф.* Ленин и наука // Научный работник. 1926. № 1. С. 51.
- ²³ См.: Письма В.И. Вернадского Ф.И. Родичеву // Источник. 2002. № 5. С. 35–36.
- ²⁴ Текст доклада был издан на русском и на французском языках: *Ольденбург С.Ф.* Академия Наук СССР за 200 лет. Речь непреременного секретаря С.Ф. Ольденбурга, читанная в торжественном заседании конференции 6 сентября 1925 г. Л., 1925; *Oldenbourg S.* Deux siècles d'existence de l'Académie des Sciences de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. Léningrade, 1925. См. также издание: К 200-летию Всесоюзной Академии Наук. Л., 1925.
- ²⁵ Те же мысли прочитываются и в энциклопедической статье 1926 года, названной выше в примеч. 7.
- ²⁶ *Kennan G.F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961.
- ²⁷ *Вернадский В.И.* Дневники, 1926–1934. М., 2001. С. 275, 294.
- ²⁸ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 315.
- ²⁹ В своей записной книжке Блок впервые упоминает о поэме 8 января: «Весь день – “Двенадцать”...» (Там же. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 626).
- ³⁰ «На самом деле» (если есть такая вещь, как «на самом деле») дело обстояло скорее наоборот. «Советская власть» была в гораздо меньшей степени наследницей «классической», т.е. послепетровской русской культуры и в гораздо большей степени наследницей традиций российской власти, причем даже не столько после-, сколько допетровской. Таким образом, «советская идеология» была «идеологией» в том смысле, в каком употребляли это слово К. Маркс и Ф. Энгельс в своей книге «Немецкая идеология», т.е. ложным, (само)обманным миропредставлением.
- ³¹ «Как ученого его, несомненно, постигла трагическая судьба» (с. 228), – писал известный арабист И.Ю. Крачковский (1883–1951) в предисловии к посмертному сборнику работ С.Ф. Ольденбурга, составленному еще в 1930-е годы, но изданному лишь в 1991 г.: *Ольденбург С.Ф.* Культура Индии. М., 1991. С. 11. Это издание подготовил Игорь Дмитриевич Серебряков (1917–1998), видный индолог другой эпохи, человек по-своему незаурядный и также заслуживающий специального биографического исследования.